

Глава 17. Не к добру этот пир

Ань Но высадил Бай Ичэня у обочины и, кипя от ярости, вернулся домой. Короткий холодный душ не помог — он буквально рухнул на кровать, выставив кондиционер на ледяные двадцать два градуса. Ему отчаянно нужно было остыть и привести мысли в порядок.

Стоило телу расслабиться, как разум начал понемногу проясняться. Ну конечно, он влюбился в Бай Ичэня. Причем влюбился «по-настоящему». Разумеется, ему хотелось быть в глазах мальчишки единственным и неповторимым, лучшим во всей поднебесной. Вот только была одна загвоздка: сам-то Бай Ичэнь его не «любил». Ань Но понимал, что не так красив и не так «крут», как Чжэн Жуй, и далеко не так открыт и покладист, как Сяо И. Он — человек с двойным дном, острым языком и ежедневно пробиваемой репутацией. То, что Бай Ичэнь вообще выдал ему карту «хорошего человека», уже можно было считать верхом великодушия. Не стоило и мечтать, что тот бросится в его объятия ради страстного поцелуя.

Ань Но снова накрыло раздражение.

Он перевернулся на спину и уставился в потолок. Вспомнил, как за вчерашним ужином Бай Ичэнь дулся на стакан колы, как заливалось румянцем его лицо, как он обиженно ворчал: «Почему только я пью газировку?»

— Мать твою! — выругался Ань Но. — Не к добру был этот ужин. Вообще не стоило туда идти!

«Старший брат Ань, ты тем более хороший человек!» — Бай Ичэнь говорил это, чуть склонив голову, с предельно серьезным и строгим видом. Он выглядел смущенным и даже испуганным, но голос звучал на удивление твердо.

Стало совсем невмоготу. Ань Но вскочил, снова метнулся в душ под холодные струи, после чего влетел обратно в комнату, накрыл голову подушкой и издал глухой рык, топя все эмоции в податливом пуху. Завернувшись в одеяло, он забылся тяжелым, беспокойным сном, окутанный холодом и ледяным одиночеством.

Он проспал до обеда следующего дня, пока его не разбудил звонок Хань Цзыфэя. В этот момент Ань Но как раз вел внутреннюю борьбу: стоит ли встать и сварить пакетик лапши сейчас, или проспать до ужина, чтобы сварить его тогда.

Звонок Хань Цзыфэя не стал сюрпризом. Ань Но знал, что этот разговор неизбежен, хотя приглашение пришло чуть раньше, чем он рассчитывал.

Брат Хань назначил встречу в ресторане авторской кухни. Такие заведения называли «частными» не из-за особых рецептов, а из-за атмосферы. Здешние обеды редко

предназначались для посторонних глаз, а обстановка располагала к секретности и уединению.

Но Ань Но не был обычным посетителем. Его чувства были обострены до предела.

Ресторан «Гуйтинфан» располагался в старинной усадьбе с двумя внутренними дворами — место строгое и изящное. В первом дворе стояло семь-восемь квадратных столов под сенью глицинии. Миновав крытую галерею, можно было попасть во второй двор. Здесь столиков не было. В центре возвышалась сухая альпийская горка с изрезанными временем камнями, по которым в небольшой пруд стекали тонкие струйки воды. В прозрачной глубине лениво шевелили хвостами полтора десятка карпов кои. Искусственная скала, несмотря на свою хрупкость, была полна выступов и каверн; она стояла так удачно, что надежно перекрывала обзор со всех сторон. Рядом раскинула густую крону старая корица — как раз в пору цветения. Ее тяжелый, дурманящий аромат пропитал весь сад. Мощные ветви дерева накрывали двор живым куполом.

Северный флигель и боковые пристройки были разбиты на отдельные кабинеты. Из окон почти ничего не было видно — скала закрывала обзор, оставляя лишь зыбкие очертания соседних комнат. Идеальное место для тайных встреч.

Едва переступив порог, Ань Но включил «режим сканера». Всего несколько шагов — и в его уме уже была готова планировка двора со всеми проходами и расположением залов. Еще пара метров — и он безошибочно вычислил подозрительные комнаты. К тому моменту, как он вошел в свой кабинет, в голове уже был прочерчен маршрут отхода и составлен план экстренной эвакуации.

Ань Но понимал: в этом дворе на шесть кабинетов в двух комнатах сидят вовсе не гурманы, а люди Хань Цзыфэй. Если что-то пойдет не так, прорваться к выходу через ворота не получится. Лучший вариант — использовать скалу и ветви старой корицы, чтобы выбраться на крышу. Прислонившись к дверному косяку, Ань Но бросил короткий взгляд на дерево, почесал затылок и зашел внутрь.

Хань Цзыфэй ждал его в кабинете. Стол не ломился от яств, но каждое блюдо было маленьким шедевром: треска с кукурузой и кешью, говяжьи почки в красном вине с черным перцем, сердцевина капусты в наваристом бульоне, спаржа с грибами и суп из змееголова с мангстином и дендробиумом. Сочетание востока и запада дополнял густой аромат только что откупоренной бутылки «Маотая».

«Не к добру этот пир», — вздохнул про себя Ань Но и по-хозяйски развалился в кресле. Он лениво постучал пальцами по столу:

— Брат Хань, право слово, не стоило так утруждаться.

— Я просто хотел выразить свою благодарность, — отозвался Хань Цзыфэй. Он, как всегда, был безупречно одет и держался с таким достоинством, будто принимал участие в государственном приеме.

— Если действительно хочешь меня отблагодарить, сводил бы лучше в простую забегаловку на улице. Раки в остром соусе подошли бы куда больше, — Ань Но твердо решил играть роль уличного вышибалы до конца.

— Это проще простого. Сходим завтра. Позовем Чжэн Жуя, А-Жуй их тоже обожает.

Ань Но усмехнулся:

— Люблю такие места. Народу тьма, теснота — сразу чувствуешь, что жизнь кипит.

Хань Цзыфэй не ответил, лишь молча наполнил рюмку:

— Как бы там ни было, я твой должник.

Ань Но пренебрежительно отодвинул рюмку указательным пальцем. Это «мне плевать на тебя» не вызвало у Хань Цзыфэя гнева. Последние месяцы он не раз пытался переманить Ань Но на свою сторону. Его восхищала боевая выучка парня: Ань Но действовал без лишнего шума, но предельно жестоко, без всяких украшательств, стремясь вырубить противника максимально быстро и эффективно. Ценил он и его хватку — Ань Но умел планировать, был наблюдателен, остер на язык и всегда доводил дело до конца без сучка и задоринки.

Но особенно его впечатлила сцена двухдневной давности. Он никогда не видел, чтобы кто-то обладал такой скоростью реакции и такой дерзостью. Он даже сомневался, что случившееся не было подстроено.

Тогда он смотрел на Линь-цзы, который в изнеможении привалился к барной стойке, и понимал — товару конец. Деньги его не пугали, те несколько сотен тысяч за партию он мог себе позволить потерять. Проблема была в другом: товар предназначался Дун Цзюню. До этого Дун Цзюнь был крупнейшим клиентом Мэн Гуаньи, и Хань Цзыфэй потратил массу сил, чтобы переманить его, даже пошел на открытый конфликт с Чжэн Жуюем, лишь бы воспользоваться связями Ань Но.

Именно потому, что этот клиент дался ему с таким трудом, Хань Цзыфэй так дорожил сделкой. Товар в руках Линь-цзы был не самым объемным, но исключительной чистоты — высший сорт. Видя раздавленного Линь-цзы, Хань Цзыфэй едва сдерживал тревогу. Но когда того уводили, он медленно вытер руки полотенцем, аккуратно поставил солонку на стойку, пристально взглянул на босса и хлопнул Ань Но по плечу. В этот миг до Хань Цзыфэя дошло.

Десять тысяч таких, как Линь-цзы, не стоят одного Ань Но! Ему во что бы то ни стало нужно было заставить его работать на себя. Поэтому сегодняшний ужин был для него решающим. Нужно было прояснить пару моментов и заполнить себе в руки козырного туза.

По первоначальному плану Ань Но, арест Линь-цзы должен был лишить Хань Цзыфэя канала

сбыта. Поскольку многие его люди уже «примелькались» полиции и находились под колпаком, это был идеальный шанс для Ань Но занять место Линь-цзы. Но слова Чжэн Жуя «я ставлю в последний раз» заставили его быть настороже.

Ань Но должен был понять, почему Хань Цзыфэй так отчаянно пытается его завербовать. Глядя на протянутую рюмку, он набрал побольше воздуха и медленно произнес:

— Брат Хань, думаю, нам стоит сначала прояснить кое-какие вещи.

Тот вздохнул:

— Ань Но, неужели мы не можем просто спокойно пообедать?

— Можем! Но спокойно я ем только в кругу братьев.

— А разве мы не можем стать братьями? — Хань Цзыфэй мгновенно ухватился за возможность.

Ань Но молча сверлил его взглядом, затем резко выпрямился в кресле. Положив руки на стол, он заговорил подчеркнуто серьезно:

— Можем. Но между братьями не должно быть недомолвок. Если в душе сотня подозрений и тысяча вопросов, какие уж тут братья? — Он усмехнулся, добавив в голос нотки безразличия.

— Давай так. В благодарность за ужин я первым выложу карты на стол.

Мозг Ань Но работал на пределе, как вентилятор на максимальной скорости. Он знал породу таких людей: Хань Цзыфэй привык смотреть на всех свысока и держать всё под контролем. Его окружали толпы льстецов, которые видели в нем бога и благодетеля, не смея поднять глаз. Он привык к поклонению. Этот человек склонял голову только перед Лю Бо! Но и это было лишь временным маневром — Хань Цзыфэй никогда не смирится с ролью подчиненного. Его цель — сбросить Кобру. Пусть сейчас он вежлив и даже заискивает, в глубине души он уверен: Ань Но должен с сияющим видом пасть к его ногам и благодарить судьбу за честь стать «его человеком».

Ань Но понимал — с таким нужно набивать себе цену. Только тогда тебя будут уважать.

Он снова постучал костяшками по столу:

— Брат Хань, скажу прямо: я человек ленивый. Я не мечтаю в миллионеры и не собираюсь становиться великим боссом, который повелевает ветрами и тучами. Мне нужна свобода и жизнь в свое удовольствие. Деньги — это хорошо, но если их нет, я как-нибудь перебьюсь.

Он говорил медленно, взвешивая каждое слово. Ошибка могла стоить слишком дорого.

— Поэтому слушай, брат Хань. Раньше я помогал тебе из-за брата Чжэна. Да и дела были плевые: если бы и замели, отделался бы штрафом за нарушение порядка, и концы в воду. Но... работать на тебя по-крупному — это, как по мне, невыгодно.

— Вот как? Почему же? — Хань Цзыфэй крутил в пальцах рюмку, на его губах играла едва заметная усмешка.

— Брат Хань, ты ходишь по лезвию ножа. Даже я понимаю: за пару килограммов товара светит вышка, я уж не говорю о сбыте, — Ань Но включил режим торговца. Сейчас был рынок покупателя, и он чувствовал свое преимущество.

— Я не против больших денег. Если бы выиграл в лотерею пару миллионов — вообще бы не парился. Но раз с лотереей не везет, приходится искать другие варианты. Я и раньше помогал тебе, чтобы подзаработать, и ты не жадничал — вон, «жену» мне новую справил... Но то были мелочи. А вчера? С этим Линь-цзы? На волоске всё висело! Один неверный шаг — и парень спекся. То, что его отправили на принудительное лечение — это еще фарт, считай.

Ань Но схватил рюмку, осушил ее одним глотком и шумно выдохнул, прищурившись и причмокнув. Алкоголь был настоящим. Высший класс. Грех не выпить еще пару таких.

— Брат Хань, честно говоря, мне кажется, с Линь-цзы обошлись несправедливо.

— М-м? — Хань Цзыфэй наконец отбросил маску утонченного интеллектуала. Он опасно прищурился, взгляд стал колючим.

— Линь-цзы подставился. И что он получил? Только наркозависимость в придачу! — Ань Но с грохотом поставил рюмку на стол. Он знал: такие, как Хань Цзыфэй, не доверяют тем, кого не держат за глотку.

Линь-цзы за решеткой, а Хань Цзыфэй преспокойно ужинает с ним. Это значило лишь одно: Линь-цзы не опасен. Почему? Либо Хань Цзыфэй держит его за самое больное, либо у Линь-цзы нет ни единого доказательства, что товар пришел от босса.

Ань Но налил себе еще одну, выпил и мысленно взвыл: «Твою мать, ну и конспирация! Не только у этого придурка нет улик, мы тебя полгода пасем и даже таблетки снотворного при тебе не нашли! Как мне тебя в управлении на чай звать, если у тебя даже грамма "дури" за пазухой нет?»

Хань Цзыфэй выглядел озадаченным:

— Я думал, ты начнешь винить меня в том, что я втянул в это людей А-Жуя. Он был в ярости.

Ань Но презрительно скривился:

— Насильно мил не будешь! Даже если ты использовал Линь-цзы, он сам на это пошел. Мы все взрослые люди. Если его не принуждали под дулом пистолета, а он согласился по доброй воле — значит, сам виноват.

Хань Цзыфэй поднял рюмку на уровень глаз:

— Ань Но, если ты сможешь вдолбить это в голову А-Жую, я готов подарить тебе еще одну «наложницу».

— Избавь меня от этого! У нас с моей «женой» сейчас медовый месяц, и в ваши семейные разборки я не полезу, — Ань Но технично ушел от темы. Улаживание домашних конфликтов не входило в его должностные обязанности.

— Насчет Линь-цзы...

Хань Цзыфэй только начал, но Ань Но бесцеремонно его перебил:

— Не надо мне ничего объяснять, мне плевать. Но запомни...

Он выпрямил спину:

— Я не Линь-цзы!

— Разумеется! Сотня таких, как он, не стоят тебя одного, — Хань Цзыфэй согласно кивнул. — Будь ты как Линь-цзы, я бы к тебе и не подошел.

— Тогда, чтобы мы могли доесть спокойно, не пора ли обсудить условия? Или, скажем так, мой гонорар, — Ань Но чувствовал себя хозяином положения. Он мельком взглянул в окно. Сквозь резные рамы была видна скала во дворе, а в кабинет «Фэнжусун» напротив только что вошла пара — мужчина и женщина.

Хань Цзыфэй был просто в восторге от того, что Ань Но заговорил о деньгах! Он прекрасно знал: только те, кто действительно готов ступить на этот путь, начинают торговаться. И только когда условия устраивают обе стороны, сотрудничество будет долгим. Он не боялся заоблачных цен — цену всегда можно сбить. Он боялся тех, кто работает задаром.

— Разумеется. Твоя работа будет куда сложнее той, что делал Линь-цзы. Итак, на какую долю ты претендуешь?

— Мне плевать, сколько уходит посредникам, но с тех дел, что проворачиваю я лично, я хочу тридцать процентов.

Хань Цзыфэй рассмеялся:

— Ань Но, я ведь тоже всего лишь наемник.

Ань Но нахмурился, изображая разочарование.

Хань Цзыфэй не обиделся и с мягкой улыбкой продолжил:

— Ты видел много председателей правления, которые лично торчат на передовой? Те, кто принимают решения, не светятся. А те, кто светятся — лишь исполнители.

— Тогда из твоей доли. Сорок процентов.

— Давай тридцать. Из моей доли — тридцать процентов! Чжэн Жуй ведь тебе и так неплохо платит.

— Тридцать... Ладно. Но ты ведь у нас вроде как менеджер проекта, верно? Полагается ведь выписывать премии особо ценным сотрудникам?

— Конечно. Не обещаю, что обгоним темпы роста ВВП, но и обиженным не останешься, — Хань Цзыфэй улыбался своей фирменной улыбкой «белого воротничка». Казалось, ради того, чтобы заполучить Ань Но, он готов на любые уступки.

— И еще. Я не собираюсь ничего объяснять брату Чжэну.

— Я тоже не горю желанием с ним объясняться, да в этом и нет нужды, — Хань Цзыфэй с облегчением поднял бокал.

Ань Но взял свою рюмку и произнес официально:

— Что ж, тогда приступим к еде.

<http://bllate.org/book/18167/1749791>